

О.В. Самовольнова

Социально-философский анализ
основных концепций биополитики:
М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри

В статье исследуются основные концепции биополитики М. Фуко, Дж. Агамбена и А. Негри. Фуко определяет биополитику как результат смены дисциплинарного типа власти на биополитический, как форму управления населением. Агамбен считает, что любой политический режим сегодня является биополитическим, его основным субъектом – фигура *homo sacer*, того, кого можно убить безнаказанно, введя режим чрезвычайного положения на локализованной территории – лагере. Негри рассматривает биополитику как современную форму экономического управления, внутри которого заложены процессы сопротивления власти со стороны индивидов, а значит, процессы субъективации, ведущие к увеличению прибыли.

Ключевые слова: биополитика, население, государство, суверен, лагерь, голая жизнь, *homo sacer*, субъективация.

Термин «биополитика» впервые был упомянут Фуко в цикле лекций «Нужно защищать общество», прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 гг. Дальнейшее концептуальное развитие тема биополитики получила в работе «Воля к знанию. История сексуальности. Том первый», но фактически раскрывается в циклах лекций «Безопасность, территория, население» и «Рождение биополитики», прочитанных Фуко в Коллеж де Франс в период с 1977 по 1979 г.

Данный концепт вводится французским философом в связи с возникновением новой парадигмы власти: дисциплинарный и контролирующий принцип во взаимоотношениях с индивидом сменился на власть над человеком как над живым существом,

т. е. произошла, по мнению Фуко, «этатизация биологического»¹. Трансформировалась область политического права. Право верховной власти, суверена заставить человека умереть или позволить ему жить сменилось правом заставить индивида жить или позволить ему умереть.

Подобные метаморфозы в сфере проблематизации политической власти прослеживаются в первую очередь на уровне технологий властного аппарата. В начале XVII–XVIII вв.² появляется новый тип власти, основной идеологией которой становятся нормирование и контроль над субъектом посредством дисциплинарного воздействия. Объектом стало человеческое тело, которое подвергается методичной и систематической муштре, манипуляциям, изменениям и контролю. В рамках новой властной системы тело необходимо сделать послушным, поскольку только такой тип телесности можно подчинить и в дальнейшем использовать, модифицировать, усовершенствовать и извлекать из него экономическую выгоду. Дисциплинарный тип власти нуждался в «послушных телах». Для этого власть использует различные технологии: распределение индивидов в разграниченных пространствах, дисциплинарный надзор и систематические тренировки с целью увеличения полезности индивида и выработки послушности, а также тотальное наблюдение и надзор. Во второй половине XIX в.³ дисциплинарный тип власти меняется на власть, которая теперь обращается к человеку не как к подчиняющемуся субъекту, а к человеку как к живому существу. Такой тип власти Фуко назвал «биополитика».

Существенное различие между двумя типами власти прослеживается на уровне отношения к индивидам и множествам индивидов. Дисциплинирующая власть управляет множеством для того, чтобы превратить его в послушные тела и заставить участвовать в общественных процессах с целью получения экономической выгоды. Биополитическая технология обращается к множественности именно потому, что оно уже участвует в общих глобальных процессах: рождение, воспроизводство, болезни, смерть и т. д.

Таким образом, кроме первого проявления власти в отношении тела, которое осуществляется способом индивидуализации, есть второе проявление власти, не индивидуализующее, а массофицирующее, оно, если угодно, реализуется не в отношении человека-тела, а в отношении человека-рода. После анатомо-политики человеческого тела, утвердившейся в ходе XVIII в., в конце этого же века можно отметить нечто другое, что уже не является анатомо-политикой человеческого тела и что я бы назвал «биополитикой» человеческого рода⁴.

Таким образом, биополитика имеет дело не с телом индивида, а с общественным телом, она обращена на население. Возникновение нового типа власти было, с точки зрения Фуко, необходимо для развития капиталистического и либерального обществ, поскольку экономический рост требовал не только участия послушных тел в производстве, но и корреляции феноменов, связанных с населением.

Фуко выделяет три направления, на которые ориентирован биополитический тип власти. Во-первых, это проблемы воспроизводства населения, к которым относятся вопросы рождаемости, смертности, рост населения, продолжительность жизни, а также вопросы заболеваемости, в частности эпидемии и болезни, с трудом поддающиеся лечению, сюда же относятся доступность и распространение медицинских услуг и развитие гигиены. Во-вторых, это случаи нейтрализации индивидов, прекращения их активной деятельности: старость, несчастные случаи, получение травм и увечий и проч. По мнению Фуко, актуализация подобных проблем привела к появлению страхования человека и индивидуальным денежным накоплениям. И, наконец, третья область биополитики – воздействие окружающей среды, не только естественной (география, климат), но и искусственно созданной (город). По мнению Фуко, подобные феномены, если рассматривать их влияние на индивидуальном уровне, представляются случайными событиями, которые невозможно спрогнозировать, однако если анализировать их на коллективном уровне в течение длительного периода времени, не только можно в дальнейшем рассчитать, но и влиять на последствия. Биополитическая власть, в отличие от техник дисциплинирующей власти, сконцентрированных на создании полезного и послушного тела, разрабатывает прежде всего регулирующие механизмы, цель которых предвидеть события, минимизировать риски, потери, застраховать, обеспечить компенсацию, то есть создать условия для безопасной жизни населения. Несмотря на то, что обе техники, дисциплинарная и регулирующая, кажутся относящимся к разным типам управления индивидами, тем не менее они не только не исключают друг друга, но и в большинстве случаев дополняют друг друга. Для пояснения данного утверждения Фуко приводит пример города, в котором архитектура, система наблюдения и полицейский контроль дополняются механизмами регулирования жизни: санитарные условия города, страхование жизни, формы экономического поведения и, особенно, контроль за сексуальностью человека, которая, по мнению, Фуко, стала основной мишенью властного воздействия, поскольку именно секс зависит от дисциплинарных и регулирующих техник.

С одной стороны, он принадлежит к дисциплинам тела: дрессура, интенсификация и распределение сил, пригонка и экономия энергий. С другой стороны, через все индуцируемые им глобальные эффекты он оказывается сопряженным с регулированием народонаселения. Он вставлен одновременно в оба эти регистра; он оказывается поводом для бесконечно малых наблюдений, для ежеминутного контроля, для чрезвычайно тщательного обустройства пространства, для нескончаемых медицинских и психологических обследований – для целой микровласти над телами; но точно так же он оказывается поводом для всеобъемлющих мер, для статистических оценок, для вмешательств, нацеленных на все социальное тело в целом или на группы в их совокупности⁵.

Общим для дисциплины и регуляции в первую очередь является стремление к нормализации. Норма в равной степени применяется и к телу индивида, и к населению и позволяет контролировать и дисциплинировать тело и регулировать население. При этом норма в биополитической системе предстает в правовом виде, что закон является средством социального регулирования:

...Я хочу сказать, что закон все в большей степени функционирует как норма и что институт суда все больше интегрируется в некоторый континуум аппаратов (медицинских, управленческих и т. д.), функции которых по преимуществу регулятивные⁶.

Однако тут необходимо уточнить, что существует разница между определением нормального в дисциплинарной системе и в рамках биополитической власти. Для дисциплинарности ненормальным было то, что отличалось от установленных категорий нормы. Биополитическая система фиксировала нормативность после тщательного анализа всех существующих разного рода форм нормального.

Подхватывая и продолжая рассуждения Фуко, итальянский философ Дж. Агамбен тем не менее замечает, что французскому исследователю не удалось исследовать все аспекты биополитики. Несомненным достоинством концепции Фуко, с точки зрения Агамбена, является анализ конкретных методов проникновения власти в тела индивидов, детальное исследование политических практик, дисциплинарных техник, при помощи которых государство берет на себя заботу об индивидах, а также процессов субъективации, т. е. формирования субъекта путем тотального подчинения внешнему источнику власти. В одной из своих последних работ⁷ Фуко отмечает, что у этих процессов есть множество точек пересечения,

которые сходятся в общем центре. Однако, по мнению Агамбена, французский философ концептуально не развил данный тезис, сознательно уйдя от разработки единой теории власти.

Выдвинутая теория биовласти Агамбена в отличие от фуко-дианской посвящена точке пересечения двух моделей власти: юридически-институциональной и биополитической. По мнению Агамбена, оба направления исследования не должны анализироваться без связи друг с другом, поскольку именно включение голой жизни в политическую жизнь государства составляет суть суверенной власти и всех современных режимов.

В своих рассуждениях Агамбен использует определение суверена, данное Шмиттом. Согласно немецкому исследователю, «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»⁸. Безусловно, рассуждает Агамбен, суверен обладает монополией на решение. Он вводит режим чрезвычайной ситуации и он же решает, восстановилось ли состояние нормальности. У суверена есть право на исключительный случай, который является фактом, выходящим за пределы нормы, но при этом он не выходит за границы отношений с нормой. Исключительный случай, по сути, есть акт изъятия. Отношения с нормой при этом поддерживаются в виде временного исключения из ее системы. Правила не перестают функционировать, а лишь временно приостанавливают свое действие, давая место исключению, и только таким образом подтверждают свой правовой статус. Состояние нормальности определяется существующими правовыми нормами. Все правила и законы выражаются формулой «если, то», в результате чего любой закон включается в правовой порядок в виде исключения, а нарушение в этом случае будет не только предшествовать, но и определять факт выхода за пределы нормы. Таковую форму отношений Агамбен назвал «отношением исключения»⁹. Жизнь всякого индивида оказывается заключенной в сферу права только в виде собственного включенного исключения. Это, по мнению Агамбена, и есть «предел жизни, граница, на которой она является одновременно внутри и вне правового порядка, и этот порог является местом суверенной власти». В ситуации чрезвычайного положения действие закона приостанавливается посредством суверенного решения, и человеческая жизнь восстанавливается в первоначальной форме в виде жизни как таковой, голой жизни. Суверен своим решением схватывает жизнь. Главной претензией суверенной власти, таким образом, становится не столько право на введение чрезвычайного положения, сколько право иметь полномочия включать в правовое поле то, что находится за его пределами.

Отношение исключения есть отношение отвержения. <...> Первоначальное отношение закона с жизнью это не применение, а Отвержение. <...> Отвержение – это чистая форма отношения с чем-либо вообще, то есть это модальность, характеризующая отношения с тем, что существует без связи. В этом смысле оно оказывается предельной формой отношения¹⁰.

Ключевой фигурой и главным символом включенного исключения является фигура *homo sacer*, взятая Агамбеном из сочинения Помпея Феста «О значении слов». В древнеримском праве так называли того, кого можно было безнаказанно убить, но нельзя было при этом принести в жертву, поскольку он изымался из поля действия закона, но не попадал под защиту богов. «Жизнь, не подлежащая жертвоприношению, но подлежащая убийству, есть *vita-sacra*»¹¹. Для всякого суверена все индивиды являются изначально *homo sacer*.

Именно эта фигура становится истинным субъектом политики – тем, кого можно убить безнаказанно. Поэтому цель любой власти заключается в производстве голой жизни. «Не просто естественная жизнь, но жизнь, обреченная на смерть (голая жизнь или *vitasacra*), является началом политического. <...> ...первоосновой политической власти является жизнь, абсолютно не защищенная, которая включается в сферу политического, поскольку ее можно всегда безнаказанно отобрать...»¹².

Агамбен при анализе биополитических процессов обращается к греческим словам *zoe* и *bios*, которые использует для разграничения жизни как таковой, самого факта жизни (*zoe*), и образа жизни индивида (*bios*)¹³. При этом Агамбен отмечает, что именно человеческая жизнь как таковая, а не форма жизненного устройства, становится субъектом, на которого распространяется действие правового поля государства. Но это справедливо только в том случае, если индивид добровольно отдаст свою жизнь суверену, превратившись таким образом в фигуру *homo sacer*, то есть обречет себя на безнаказанное убийство. Этот принцип лежит, по Агамбену, в основе всех политических режимов, что делает любую власть биополитической. Особенность всех современных демократий состоит, как бы ни парадоксально это было, в солидарности с тоталитарными режимами, поскольку всякий демократический режим преследует цель дать счастье и свободу человеку, но действует в том же пространстве, в котором голая жизнь была «схвачена» властью. И пока не будет преодолен разлом между *bios* и *zoe*, до тех пор, пока государство будет иметь дело с голой жизнью, чье существование признается

только в момент ее исключения из политической жизнь, любой режим будет принимать форму биополитики. В процессе функционирования подобных механизмов стираются границы между исключением и правилом, между нормальным и ненормальным, между юридическим и фактическим, между внутренним и внешним, между *bios* и *zoe* – все входит в зону абсолютной неразличимости. Из-за размытости границ жизнь как таковая в биополитической форме власти становится одновременно субъектом и объектом государства, местом, где в одно и то же время формируется политический порядок и конфликты, пространством воздействия власти на индивида и местом эмансипации от нее.

Все происходит так, как будто в ходе дисциплинарного процесса, посредством которого государственная власть делает человека как живое существо своим специфическим объектом, запускается другой процесс, совпадающий в общих чертах с зарождением современной демократии, где человек как живое существо предстает уже не в качестве *объекта*, а в качестве *субъекта* политической власти¹⁴.

«Биополитической парадигмой современности»¹⁵ для Агамбена является лагерь – истинное пространство исключения. Здесь, в интернированном пространстве, на локализованной территории, где нормы права перестают действовать, жизнь, превратившись в голую жизнь, больше не имеет никакой юридической ценности, и, следовательно, может быть отнята без совершения убийства. Лагерь возникает только тогда, когда чрезвычайное положение объявляется нормой, когда закон становится неотличим от исключения. В какой-то момент привычная система построения государства, которая до этого определялась тремя элементами – территорией, правом и рождением, в какой-то момент подобная система функционирования оказывается в кризисе. Теперь пребывание в рамках государства, которое ранее регулировалось юридическими нормами, а принадлежность к нации – определялась фактом рождения, больше не функционирует. Старый порядок разрушен в точке, в которой голая жизнь включается в правовое поле, то есть в месте включения в нацию через акт рождения на определенной территории. Что делает суверенная власть в этом случае? Она принимает решение включить в свою политику заботу о биологической жизни индивидов, взять под свой контроль чистую жизнь. Так, по мнению Агамбена, произошло рождение лагеря. Он появляется как ответ на нежелание суверенного государства превращаться в машину по уничтожению людей, которые не входят в его компетенцию.

Политическая система больше не предписывает, какими должны быть формы жизни и юридические нормы в заданном пространстве, но содержит внутри себя делокализирующую локализацию (*localizzazione dislocante*), которая ее преодолевает и в которой теоретически возможны любая форма жизни или норма. Лагерь как делокализирующая локализация – это и есть скрытая матрица нынешней политики, которую мы должны научиться распознавать во всех ее метаморфозах, в *zones d'attente* наших аэропортов и в перифериях наших городов. Это и есть четвертый неотъемлемый элемент, появившийся недавно и разрушивший прежнюю триаду Государство – нация (рождение) – территория¹⁶.

Определение, данное Шмиттом, по мнению Агамбена, в политической жизни обозначает лишь того, кому делегировались полномочия о введении чрезвычайного положения, но в нем не затрагивается вопрос о сути политического строя. Однако в условиях современности, когда стерлись границы между нормальным и ненормальным, необходимо в первую очередь анализировать структуру политических режимов в новой перспективе. Сегодня любой политический режим, согласно Агамбену, является в первую очередь биополитическим, ситуации чрезвычайного положения все чаще становятся нормой для современных государств, а пространства голей жизни все больше объявляются приватизированными суверенной властью. И благодаря этому все больше появляется тоталитарных государств. «Политика смогла в невиданных прежде масштабах состояться как политика тоталитарная только благодаря тому, что в наше время она полностью обратилась в биополитику»¹⁷. Только в биополитическом режиме суверенная власть стремится превратить себя в такую, которая без введения чрезвычайного положения может определять момент, когда любая жизнь перестает иметь значение:

...биополитическое тело, будучи новым основным политическим субъектом, – это не *quaestio facti* (например, идентификация определенного биологического тела) и не *quaestio iuris* (идентификация определенной нормы, которую необходимо применить), но произвольное политическое решение верховной суверенной власти, принимаемое в ситуации абсолютного безразличия к реальности и праву¹⁸.

Антонио Негри за отправную точку анализа биополитики берет определение, данное Фуко, согласно которому власть, трансформирующаяся в определенный момент времени из дисципли-

нирующей власти над индивидами во власть над «населением», взяла под контроль и сделала местом действия политики такие основные аспекты жизни, как гигиена, рождаемость, сексуальность, питание. И так же, как и Фуко, Негри считает, что для биополитики характерно не столько стремление к заботе о жизни населения, сколько желание создать государство всеобщего благосостояния путем поддержания жизни индивидов исключительно для использования их в качестве рабочей силы. Поэтому основные действия нового типа власти направлены на успешное управление процессами общественного труда. В связи с чем дисциплинарные техники управления дополняются диспозитивами контроля, что ведет к появлению развивающих технологий и, соответственно, к прибыли.

В сущности, если дисциплина представлялась как политическая анатомия тел и применялась главным образом к индивидам, то биополитика являет собой, напротив, своего рода великую «социальную медицину», которая, как способ управлять жизнью, получает применение в контроле над населением. Жизнь становится отныне частью поля власти¹⁹.

Биополитика, таким образом, не представляет собой стагнационный процесс, а напротив, являет собой «функцию движущейся истории»²⁰, основное требование которой – повышение производительности.

Если мы утверждаем, продолжает Негри, что власть стала жизнью, то справедливым будет и обратный тезис: жизнь есть власть. То есть биополитика, по Негри, является «одновременно отправлением власти над жизнью и бурной реакцией жизни на власть». В самой жизни, в телах, в сексуальности, в коммуникациях, в языке, в труде возникает место производства контрвласти, место формирования субъективности, которое представляет собой не что иное, как «момент выхода из подчинения (*désassujettissement*)»²¹. Но в данном случае речь идет не о власти как таковой, не о суверене, а о поле властей, об институтах, практиках, знании, о циркуляции власти в социальном поле, об изменчивости форм подчинения, но именно в этой динамике заложены процессы сопротивления власти, а, значит, и процессы субъективации, т. е. конструирования из индивидов необходимых для власти субъектов.

Биополитика, следовательно, есть противоречивый контекст жизни внутри жизни. По самому своему определению она являет собой

распространение экономических и политических противоречий на всю социальную ткань, но также возникновение сингуляризации сопротивлений, которые постоянно ее пересекают²².

Причины субъективации индивидов всегда, по мнению Негри, находятся внутри сложной совокупности отношений власти, которые пересекаются со стремлением индивидов к жизни. И поскольку желание жизни всегда сопровождается сопротивлением власти, то именно в этом процессе неповиновения и возникает производство субъективности, которая проявляет, подает себя как выражение избытка или избыточности. Понятие избытка или избыточности Негри выводит из анализа новых постсовременных форм организации труда, при которых стоимость постоянно ускользает от закона стоимости труда, поскольку теперь сопряжена с нематериальными, избыточными, невидимыми результатами творческого труда, которые не поддаются измерению и, следовательно, оценке. Общественный труд претерпел существенные изменения. В первую очередь изменилось темпоральное измерение труда. Если в современных формах производства труд имел реальное измерение в соответствии с законами трудовой стоимости, то в постсовременных структурах производства аналитическая, количественная темпоральность сменилась абстрактной: интеллектуальный, творческий труд обнаруживается в избытке, и этот труд не поддается осмыслению. Подобные трансформации структур производства привели к появлению пространств самовалоризации, которые сопротивляются капиталу, поскольку не могут быть поглощены в силу своей избыточности и невозможности оценки в рамках закона стоимости труда. Поэтому именно общественный труд, согласно Негри, есть место производства субъективности:

...производство товаров всегда сопровождается производством субъективностей, которые противостоят ему, если говорить об этом в терминах избытка, еще и в форме поистине антагонистического диспозитива, который начинает препятствовать всякому капиталистическому синтезу этого процесса²³.

Тема синхронного измерения труда и времени является основной и главной темой для биополитического типа власти. Однако все, что биополитическая власть хочет дисциплинировать, регулировать и контролировать, отныне является неизмеримым и неуловимым.

- 1 Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Том первый. М.: Касталь, 1996. С. 448.
- 2 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999. С. 480.
- 3 Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Том первый. С. 448.
- 4 Фуко М. Нужно защищать общество. М.: Наука, 2005. С. 312.
- 5 Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 448.
- 6 Там же.
- 7 Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: 1970–1984: В 3 ч. М.: Праксис, 2006. С. 320.
- 8 Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 336.
- 9 Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С. 26.
- 10 Там же. С. 41–42.
- 11 Там же. С. 107.
- 12 Там же. С. 114.
- 13 Там же. С. 7.
- 14 Там же. С. 16–17.
- 15 Там же. С. 151.
- 16 Там же. С. 222–223.
- 17 Там же. С. 153.
- 18 Там же. С. 217–218.
- 19 Негри А. Труд множества и ткань биополитики // ПОЛИТ.РУ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (дата обращения: 11.12.2017).
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.